

Поп и три брата работника

Жили три брата, прежде они жили хорошо, а нонче плохо стали жить. Большой брат и говорит:

— Кому-небудь надо итти в роботу.

Пошел меньшей брат в роботу. Идёт по дороги, стретилса поп.

— Куды, молодец, пошел?

— Пошел я в работники наймоватця.

— Наймися мне.

— Наймусь.

— Ну, што просишь?

— Прошу сто рублёв в год.

— Дам сто рублей, только положи залог: ежели ты впёрва осердился, платы прост, а я осержусь, из спины ремень, из жопы пряжка.

— Ладно, согласен.

На восток Богу помолились и поехали жить к попу.

У попа были дети, был сын прокажённой; седут ись, сын заревёт: «Я страть хоцю». Роботник потащит в нужник, воротитца, а со стола óбрано, а роботник недоел. Так и до полу́году живёт, и стал роботник вовсе слаб. Поп заметил:

— Што же ты, роботник, не весел?

— Бачко, ты кабы был в моём мести, ты бы с первого дня осердилса; я больше половины году терпел, топере осердилса.

— Ну, осердилса и ладно.

Живут, и год прожил. Расцот надо бы с хозяина получитьь.

— Хозяин, отдай расцот. Поп и говорит:

— У нас ведь с тобой залог был положен: платы прост, ежели ты впёрва осердишься, а я осержусь, из спины ремень, из жопы пряжку.

Робочему нецё стало говорить, от попа пошел не с цем. Пришел домой, принёс ницего. Братья спросили:

— Где ты был, што принёс?

— А где жил, тут и осталось.

Братья говорят:

— Это-ле наша не беда! ждали с деньгами, а пришел не с цем.

Большой брат и говорит:

— Иди ты в роботу, нецем стало жить у нас.

Пошел средней брат в роботу. Идёт по дороги, стретилса сам жо тот поп.

— Куды, молодец, пошел?

— Пошел я в работы наймоватца.

— Наймися мне.

— Наймусь.

— Ну, што просишь?

— Прошу сто рублей в год.

— Дам сто рублей, только полож залог: ежели ты впёрва осердишься, платы прост, а я осержусь, из спины ремень, из жопы пряжка.

— Ладно, согласен.

На восток Богу помолились и поехали жить к попу. У попа были дети, был сын прокаженной; седут ись, сын заревёт: «Я страть хоцю»... (совершенно так же, как в первой раз).

Пришел и средней брат домой опять не с цем. Братья спросили:

— Ну, брат, жил ты, где деньги?

— А где жил, тут и осталось. Большой брат говорит:

— Ну нечего делать, братья, оставайтесь, пойду я в работу. Пошел по дороге, стретилса сам жо тот поп.

— Куда, молодец, пошел?

— Пошел я в работы наймоватца.

— Наймися мне.

— Наймусь.

— Ну што просишь?

— Сто рублей в год.

(И пр. по-старому, поп также морит голодом работника.. .)

Живёт до плу́года, стал плохой на лице. Поп заметил, невеселой.

— Што ты не весел стал, сердишься-ле што-ле на меня?

— Да батюшко, ты бы в моём месте был, с первых дён осердилса, а я не сержусь на тебя несколько.

У попа было три сына, первой прокажённой, второй Лука, третьей Пёрша. Робочий наутро раненько стал, кол наострил, с обех кончей, из нужника заткнул в землю, а другой конеч наверху. Сели обедать, прокажённой ревет:

— Страть хоцю.

— Роботник, тащы.

Робочей потащил и посадил дырой на кол, да и придавил и заскоцил крутёнько в избу. Попа с попадьей застал за столом и сел ись, в первой раз ищэ. Попадья и говорит:

— Ты куды ино парня-то девал?

— Молци, попадья, ваш сын у места сидит, звезды цитат. Поп и говорит:

— Што-жо, попадя, не бежишь, не смотришь? Каки звезды там цитат?

Попадья побежала, у робёнка ротом кол вышел. Забежала.

— Поп, што-жо ты сидишь, каки жо звезды цитат — ротом кол вышел.

Поп побежал, роботник сзади, поп с кола сымат, роботник и говорит:

— Батюшко, не осердились-ле?

— Нет, каки осердились, не осердились. Прокажённаго похоронили. Топере живут прекрасно, от стола не оддёргивают, роботник сытой, весёлой. Поп ушел в гости, роботнику наказывают.

— Роботник, смотри анбарни двери карауль, пускай не украдут.

Робочей после их анбарни двери снял с крюков и братьёй наказал. Скорёшинько братья приехали, из анбара што было увезли. Роботник с дверями пошел, где поп в гостях, двери на полати запихал, на двери сам лёг. Поп посматриват: «Как быть мой роботник». Гостей хороших много, реветь стыдно, и насмелился.

— Што, роботник, не ты-ле тут?

— Я.

— Как ты тут, я велел тебе анбарни двери караулить, а ты здесь.

— Анбарни двери ведь у меня здесь, эво подо мной. Поп подумал:

— Это-ле не беда.

Не охота было итти, надо итти. Роботник с полатей двери добывает, пробивается меж людьми, попадья сзади. Пришли, в анбаре уж мало дело увезено. Попадья и говорит:

— Поп, это-ле нам не беда! Роботник говорит:

— Батынко, не осердился-ле?

— Нет, зацем осержусь.

Опять жили-поживали, живут согласно. Попа с попадьею зовут в гости опять. Пошли, попадья роботнику наказывают:

— Роботник, ты испеки пирог месной, накроши луку да перчу, завтра нам гости будут.

Ушли в гости, он поймал робяток, убил, отрезал от их меско́, в пирог запёк, остатки в погреб бросил. Поп с попадьею домой пришли, робяток нету, должно, у дедки и бабки спят. Наутро стали, созвали гостей, погостили,

всяки ествы ели, до этого пирога дело дошло.

— Поп, ты режь пирог, да оставь Луки да Перши по кусочку.

Работник на полатях лежит.

— Попадья! Луки да Пёрши нету, ты ведь Луку да Пёршу велела выкрошить на пирог.

Гости и за стола стали вон походить, по домам. Ушли. Поп спрашивает:

— Де жо робята-ти, убиты-ти?

— Робята в погребу.

Попадья говорит:

— Поп, да всё жо остатки-то похоронить надо.

Работник и говорит:

— Поп, колодоцьки делайте, а я пойду могилу копать.

Работник спрашивает:

— Батюшко, ты не осердилса-ле?

— Нет, не осердилса.

Робяток похоронили, пришла ночь, легли спать, комната одна. Поп с попадьею на кровати, работник на полу. Попадья попу и говорит:

— Поп, што-жо будет делать нам? Это-ле нам не беда! У нас ведь житьё было хорошо, нынче нецёго не осталось, один скот. Прокажонной ты, прокажонной! Лука да Перша были безвинны, да и тех погубил у нас, кабы нас не погубил. Пошлём его в чисто поле, там ходит медведь-людоед, скажем ему, што у нас цёрна корова не пришла.

Наутро стали, поп работнику и говорит:

— Роботник, у нас цёрна корова не пришла, поди пригони. Роботник был послушен, мимо и пошел.

Приходит в чисто поле на самого медведя, медведь на задни ноги стал. Молодец говорит:

— Миха́йло, много-ле ты у меня уешь? Поди к моему хозяину трепу́щаго мяса ись.

Медведь и пошел. Молодец позади идёт. Догонил до дому, отворил вси двири в хлевах.

— Полезай, будет этта тебе ись.

Сам пошел в дом. Поп спросил:

— Роботник, пригонил-ле корову-ту?

— Пригонил.

Попадья и заревела:

— Што жо, поп, будет! Корова-то ведь у нас дома была, кого же он пригонил?

Попадья кинулась во хлев, заглянула, медведь ходит:

— Поп, это-ли не беда! Ведь он медведя пригонил, скота всего придавил. Поп говорит:

— Роботник, пожалуста, поди выгонь медведя назад. Роботник вышел.

— Михайло, наелса, дак поди прочь.

Медведь ушел. Роботник зашел в избу.

— Батюшко, не осердилса-ле на меня?

— Нет, как, зачим осержусь.

Пришел вецер, ложится спать стали, поп с попадьею на кровать, роботник на полу. Ночью попадья попу и говорит:

— Поп как же будем делать? Роботник до́циста у нас всё упёк, кабы нас не упёк. Утром испекци надо хлеба, да сбежать, цёрнаго, да белаго склась в мешки, побольше ты тащишь, поменьше я.

Роботнику худо спитця, слышит ихной розговор. Утром попадья стала стряпатця. День проходит, наступат вецер, ложатця спать, мешки с хлебом в сенях лежат. Роботник ночью взял малицу, завертел под одеяло, окутал, сам вышел, из мешка хлеб высыпал, в мешок сам забилса. Попадья ночью

прохвати́лась.

— Поп, ставай, Бога ради, кру́це.

Выбежали в сени, оделись, поп большой мешок схватил, попадьё малой, побежали. Бежали, бежали, стретилась рецька, груба́-река. Мешки бросили, попадьё и говорит:

— Слава тебе, Господи! Убежали от злодея.

Поп и говорит:

— А слава Богу, убежали же.

Роботник из мешка выбиваетца.

— Поп, я ведь здесь.

— Але ты, роботник, здесь?!

Сели ужинать, и роботник вместе, роботнику не есса, не шипко пристал. Роботник скоро наелса и ушол на свою нужду к рецьке. Угорыш крутой, попадьё и говорит:

— Ты, поп, на́ гору ляк, а я по́д гору, а роботника возле меня повали. Ты сосни, да прохвати́сь, да меня пихни, я его ищэ пуще пихну, он в воду-то улетит, утонет.

Легли спать, поп на́ гору, попадьё пониже, роботник ищо того пониже. Поп с попадьёй устали, за́спали, роботнику не спитса. Взял попадьё, пошевелил, попадьё откатилась, сам в серёдку лёк. Роботник лежит ждёт: «Когды́-когды́ поп меня пихнёт». Поп проснулса, роботника пихнул, тот ищо того пуще попадьё толкнул, попадьё улетела в воду, буртыхаетца.

— Попадья, ставай, ставай, утонул, слава Богу!

Роботник скочил.

— Поп, да ведь попадьё утонула!

Поп молчит, роботник и говорит:

— Поп, не осердилса ли?

— Ах ты, дурак ты, дурак, хоть век бы ты меня упёк, ищю бы я не осердилса, а то попадью упёк, нынцe осердилса.

— Поп у нас было о цём залог положенной?

— Был, да ведь ты у меня уже всё упёк.

— И я бы тебе нецего не сделал, да мы на восток Богу помолились, грешно будет, давай ложись.

Попа повалил, стал кроить из спины ремень, из жопы пряжоцьку. Прошел проць оттуль, до дому дошел, остатки увезли всё.

(Шишолов Василий Дорофеевич)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.